

Valery Mokienko <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>
Petersburski Uniwersytet Państwowy

Русские библеизмы в европейском контексте¹

Аннотация

В статье демонстрируется влияние Библии на формирование русского литературного языка. Этот процесс объединяет русский язык с литературными языками многих народов, приобщенных к христианской культуре. Рассматриваются библеизмы разного типа, имеющие соответствия в других европейских языках, в том числе славянских. При общности источника библеизмов в языках, находящихся под влиянием христианской культуры, и в русском языке обнаруживаются большие различия как в количестве, так и в качественном составе этих единиц. Специфичность адаптации библеизмов в русском языке проявляется в сочетании книжно-церковного и разговорного (навеянного во многом кальками с европейских языков) начал, значительно обогатившем фонд русских библеизмов. В статье рассматриваются примеры, иллюстрирующие европейский фон усвоения и активизации библеизмов в русском литературном языке. Обобщается и опыт их лексикографического описания.

Ключевые слова: Библия, библеизм, адаптация библеизмов, христианской культура, литературный язык, церковно-славянски язык, лексикографической описание

Язык Библии оказал огромное влияние на формирование литературных языков многих народов, издревле приобщенных к христианской культуре. Переводы Священного писания на народные языки стали основой книжных языков Европы, в том числе славянских. При том, что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики приходится относить к мало разработанным. Таковы,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ „Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)” (договор **Договор** № 18-512-00005\18 от 30.05.2018).

в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Библии, о характере их дальнейшего развития в каждом из этих языков и др. В какой-то степени язык Библии – это язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Вот почему переводчикам, несмотря на разные традиции, передача библеизмов, содержащихся в тексте переводимого произведения, дается намного легче, чем перевод иных языковых элементов – имен собственных, идиоматики и других единиц, относимых к области «непереводимого в переводе». Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются именно в области лексико-семантических явлений, восходящих к общему источнику – тексту Священного писания. Эти расхождения во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов и фразеологизацию и паремологию в отдельных языковых системах.

При общности источника библеизмов в языках, находящихся под влиянием христианской культуры, в них обнаруживаются большие различия как в количестве, так и в качественном составе этих единиц. Показательно, что даже в таких близкородственных славянских языках, как польский и кашубский, подверженных общему католическому влиянию, такие различия весьма ощутимы (Treder 1989: 127–156). Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой и влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь специфичные особенности. По мнению В.Г. Гака (Gak 1997, 1997a), эта специфичность проявляется именно в сочетании книжно-церковного и разговорного (навеянного во многом кальками с европейских языков) начал, значительно обогатившем фонд русских библеизмов. Количественно он превосходит поэтому корпус библеизмов французского языка. И действительно, материал «Толкового словаря библейских выражений и слов» (Lilich, Mokienko, Trofimkina 2010) показывает, что русские библеизмы представлены именно в этих двух ипостасях, связанных как с историей книжной культуры на Руси, так и историей русского языка послепетровского периода.

Как известно, в русской православной церкви в качестве языка богослужения используется церковнославянский перевод Библии, восходящий к кирилло-мефодиевскому и естественно претерпевший в ходе многовекового развития немало редакторских замен, направленных на унификацию текста и приближение его к русскому литературному и народному языку. В 1816 году впервые был издан текст русского Евангелия, а в 1876 году на русском языке впервые появился полный перевод Библии, утвержденный священным Синодом (Logachev 1991). Понятно, что библеизмы, издревле проникавшие в русский литературный язык, входили в него первоначально в церковнославянской форме; по мере же вытеснения из литературного обихода старославянизмов и замены их собственно русскими формами библеизмы также подвергались этому процессу.

На форму библеизмов в русском языке несомненно наложило отпечаток и функционирование с XIX в. двух переводов Священного писания – церковнославянского

и русского, так называемого синодального: этим частично объясняется вариантность библеизмов, совмещение в одном выражении церковнославянизмов и чисто русских фонетических и грамматических черт и т. д. Сохранились и такие единицы, которые возводимы лишь к тексту церковнославянского перевода. Таково, например, выражение Не ведают, что творят, широко употребляемое в русском литературном языке как обоснование снисходительного отношения к тем, кто не осознает предосудительности своего поведения, поступков. Выражение восходит к церковнославянскому тексту Евангелия: «Иисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ: не вѣдѣтъ бо что творѣтъ» (Лука 23, 34). В русском переводе были заменены оба ставших архаичными глагола: **вѣдѣтъ и творѣтъ**. Ср.: «Иисус же говорил им: Отче! прости им; ибо не знают, что делают».

Русский язык, в отличие от других европейских, воспринял через церковнославянские переводы и немало заимствований из греческого, которые приобрели в литературном и речевом употреблении маркированную стилистику и семантику и потому обрели статус библеизмов.

Таково, например, слово аспид, которое в просторечии употребляется как бранная характеристика злобного и коварного человека. В церковнославянском же и русском переводах Библии это слово (оно встречается более 10 раз) обозначает род ядовитых змей и отмечено в ярких, образных употреблениях, напр.: «Дан будет змею на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Бытие 49: 17). Ср. использование образа аспиды в изображении царства Мессии, где господствует мир и безопасность: «И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исаия 11: 8).

Во многих европейских языках слово аспид отсутствует как в прямом, так и в переносном значениях. В чешском и словацком, напр., его передают либо словами с родовым значением ‘змея’ (*had, rohovatý had, rúžkatá zmije, l’utý had*), либо словами, обозначающими конкретную разновидность змей, но не мотивированными библейским оригиналом (*kobra, vretenice*), либо иноязычными словами типа *bazilišek* (Lilich, Mokienko, Stepanova 1993: 56). И хотя с точки зрения принципа функциональной адекватной передачи образа оба типа переводов можно признать равноценными, способы достижения высокой степени экспрессивности, связанные с образом змеи, здесь все-таки неодинаковы. В чешских и словацких переводах, где используются разные названия змей, на первый план выдвигаются традиционные, народные ассоциации (змея – опасное, коварное и вызывающее гадливость существо). В русских же переводах иноязычное слово аспид, препятствуя появлению конкретных коннотаций, в то же время создает экспрессию чего-то таинственного, невиданного, и потому особенно опасного и зловещего. Последнее обстоятельство и послужило причиной того, что именно в русском языке сложился библеизм: аспид выступает только в переносном значении, а сама его иноязычная форма также как бы выделяет его из ряда подобных обозначений.

Диффузностью экспрессии такого рода, генерируемой непонятностью того или иного слова или словосочетания, отличаются многие русские библеизмы – ср. жупел, темна вода во облацех, притча во языцех и т. п.

Сопоставление русского массива библеизмов с библеизмами других языков (напр., чешского, словацкого, немецкого) свидетельствует, что можно говорить об их известном параллелизме, но более существенно то, что русский литературный язык, с одной стороны, и чешский и словацкий (Lilich, Mokienko, Stepanova 1993) или чешский и немецкий (Jacevich 2003) с другой – заметно противопоставлены вследствие разных переводческих традиций: западнославянские и немецкий тексты Библии восходят к латинскому посреднику, русские же находятся в рамках византийской традиции.

Разумеется, различиями переводческих традиций далеко не исчерпываются внешнеязыковые и внеязыковые факторы, влияющие на характер библеизмов в разных языках. Неодинакова вся социально-культурная среда их бытования в «греко-славянском» ареале (*Slavia Otrhodoxa*) и в ареале «славяно-латинском» (*Slavia Latina*) и германском (Tolstoj 1988: 128 и сл.). Имеют значение особенности конфессиональной ориентации носителей языка; различия во взаимодействии христианских представлений с дохристианскими, языческими, у разных народов; специфика языковой ситуации в разные исторические периоды (например, наличие, характер и степень распространенности билингвизма) и др. В сочетании с этими факторами проявляются собственно языковые, внутренние тенденции и закономерности лексико-семантического развития, что и приводит к тем или иным расхождениям в форме, семантике и употреблении библеизмов в разных языках.

Нередко импульс к таким расхождениям задаётся семантическим синкретизмом самого первоисточника – текста Книги книг.

Так, неодобрительно окрашенное выражение метать (рассыпать) *бисер* перед свиньями давно известно в русском и других европейских языках в значении ‘напрасно высказывать мысли и чувства, ценные в каком-л. отношении, тому, кто не способен понять, оценить это’. Оно образовано от пословицы Не мечите бисера перед свиньями ‘Не стоит тратить слов для убеждения, доказательства или разъяснения чего-л. с теми, кто этого не понимает или не может понять’. Преимущественно книжная стилистическая окраска фразеологизма и пословицы задана их происхождением. Они являются метафорическим осколком Нагорной проповеди Иисуса: «**Не дадите святая псом, ни пометайте бисеръ вашнхъ предъ свинїями, да не поперутъ ихъ ногами своими**» (Матфей 7: 6). В русском переводе **бисеръ (внсьрь)** был передан более точным современным эквивалентом жемчуг, а множественное число стало единственным: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими, обратившись, не растерзали вас». Смысл высказывания глубок: бесполезно приобщать к духовным ценностям тех, кто не желает или не готов к своему духовному совершенству. Контраст между духовными ценностями и низменными интересами выражен здесь с помощью образов нечистых для израильтян и других народов Иудеи животных – псов и свиней, олицетворяющих в Евангельском, тексте нечестивцев и беззаконников. Бисер (жемчуг) же здесь символизирует слово Божие (Dubrovina 2008: 176–177).

Библейское происхождение оборота давно уже отмечают многие русские словари, не всегда, правда, оговаривая факт его заимствования именно из церковносла-

вянского, а не современного евангельского текста. Отсылка же именно к церковнославянскому **бисеръ** ‘жемчуг’ весьма важна, ибо сейчас это слово имеет иное значение – ‘очень мелкая цветная бусинка (из стекла или металла), используемая для изготовления украшений, вышивки и т.д., а переносно характеризует мелкий почерк. Традиционное толкование этого библеизма в русском и других европейских языках не вызывает никаких сомнений.

Могут ли дальнейшие историко-этимологические разыскания что-либо добавить к столь абсолютно точной культурологической паспортизации?

Как кажется, на этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя источник выражения несомненно идентифицирован точно. Ведь ретроспективное углубление в сакральные и классические тексты способно обнаружить культурологические концепты, лежащие в самых нижних слоях фразеологического палимпсеста. Так, работая над «Немецко-русским словарём библейских фразеологизмов» (Walter, Mokienko 2009: 119–120), мы столкнулись с культурологической загадкой, связанной именно с этим библеизмом. В немецком языке оборот зафиксирован с 1200 г. и имеет ту же структуру и образность, что и в русском – *Perlen vor die Säue werfen*, поэтому его считают этимологически прозрачным: свиней кормят обычно отбросами, помоями, чем-л. абсолютно ненужным (Duden, Bd. 11: 541).

Выражение известно всем языкам европейских христианских народов, и во многих из них речь идёт именно о жемчуге: напр. бел.: сыпаць бисер перад свіннямі, укр. метати (сипати, розсипати) бісер перед свиньями, кидати (розсипати) перла перед свиньями, кидати бісер свиням; болг. Свиня бисер не отбира; пол. *rzucać perły przed wieprze*; х/с *bacati/baciti biser pred svinje (pred krmke)*; англ. *to throw (to cast) pearls before swine*; *Pearls are ill valued by hungry swine*; *Neither cast your pearls before swine*; исл. *echar perlas delante los puercos*, *No arrojéis perlas delante de los puercos*; нем. *Perlen vor die Säue werfen*; *Perlen muß (soll) man nicht vor die Säue werfen*; *Wer Perlen schüttet vor die Schweine, Die bleiben schwerlich alle reine*. фр. *donner des perles aux porcs (aux pourceaux)*, *jeter ses (des) perles aux pourceaux*; ит. *gettare le perle dinanzi a'porci*; *Buone ragioni male intese Sono perle a' porci stese* и др.

На первый взгляд, противопоставление «нечто ценное» (жемчуг) – «нечто ненужное» (отбросы для свиней), заложенное в традиционном прочтении библейской фразы, кажется весьма убедительным. Но несколько «несовместным», однако, может показаться пусть и антитезисное, но всё-таки неоднородное приравнивание драгоценного и несъедобного жемчуга к съедобным пищевым отбросам.

Такая несовместность, как оказывается, имеет свои древние образные корни и в своих истоках порождена неточным переводом текста Библии. На знаменитой картине голландского художника Питера Брейгеля «Нидерландские пословицы» свиньи едят не жемчуг, а ... мелкие цветочки.

Почему на его картине эта пословица иллюстрируется иначе?

Оказывается, разгадка скрыта именно в языковой ретроспекции евангельского текста. В латинском его переводе («Вульгате») эта цитата звучит так: (*Neque mittatis margaritas vestras ante porcos, ne forte conculcent pedibus suis* – «Не бросайте *margaritas* перед свиньями, да не попрут его ногами своими» – Matheus 7:

6; Vulgata). Из этого перевода образовался и фразеологизм *proicere margaritas ante porcos*, эквивалентный русскому метать бисер перед свиньями (Arthaber 1989: 535).

Комментируя эту библейскую цитату из латинской «Вульгаты», некоторые исследователи связывают слово *margaritas* (жемчуг) со старой традицией византийской церкви, когда освященный хлеб, раздробленный на маленькие крошки, так и назывался по-гречески *μαργαριτας* – букв. ‘жемчужинки’. До сих пор в новогреческом языке это слово является обозначением как жемчуга, так и хлебных крошек. Ср. назв. русской каши перловка и устаревшее перл ‘жемчужина’. Следовательно, соответствующее место Библии можно буквально перевести: Не бросайте псам освященного мяса, а свиньям освященного хлеба (resp. хлебных крошек). В этом контексте важно то, что в др.-еврейских представлениях свинья является символом нечистоты, святыня же должна сохранять абсолютную чистоту (Röhricht 2001, 4, 1147). Любопытно, что греч. слово *μαργαριτας* (через лат. перевод «Вульгаты» – *margaritas*) приобрело в европейских языках народно-этимологические ассоциации с названиями цветов. М.И. Михельсон приводит, напр., фр. *Il ne faut pas semer des marguerites devant le pourceaux* – букв. «Не нужно сеять этих маргариток перед свиньями» (Mikhelson 1902, 1 : 659), а в многоязычном собрании европейских пословиц А. Артхабера зафиксирована фр. *C'est folie semer les roses aux pourceaux* – букв. «Безумие рассеивать розы перед свиньями» (Arthaber 1989: 535).

Один из двух вариантов библейского выражения в нидерландском языке по-прежнему также включает название розы: *paarlen voor de zwijnen werpen* и *rozen voor de varkens strooien* – букв. «бросать розы перед свиньями». Именно этот второй вариант стал основной основой фрагмента картины Питера Брейгеля «Нидерландские пословицы».

Точная флористическая идентификация слова маргарита (*margaritas*) затруднена в силу его многозначности с древнейших времён. «Слово маргарита (*margarit[a]*) – и популярное женское имя, и название различных видов цветов и некоторых фруктов и овощей, – пишет известный чешский этимолог Фр. Копечный. – В значении ‘жемчуг’ оно зарегистрировано лишь в древнерусском языке (маргарит или маргарита) и в болгарском (маргариот). Но исходное значение имени Маргарита в европейских языках в основе своей имеет лат. *margarita* ‘жемчужина’. ... Само же латинское слово восточного происхождения. Через посредство др.-греческого и других языков оно восходит к др.-индийскому ‘бутон, почка’ и ‘жемчужина’» (Коре́нь 2009: 50).

Древняя символика жемчуга овеяна мифами. Так, на многих островах Средиземного моря были святилища Афродиты, где моряки приносили благодарственные молитвы этой богине – их покровительнице. И наиболее типичным даром моряков был именно жемчуг. Им во многих местах украшались Статуи Афродиты. Отсюда один из эпитетов Афродиты – Маргарито «Жемчужная», породивший и популярное ныне европейское женское имя (Suslova, Superanskaya 1991: 18).

Действительно, хотя слово **бисерь** было основным наименованием для жемчуга в древнерусском языке, но и слово **маргаритъ** (из греч. *ἰάλληϊβόαιε* ‘жемчужины’) употреблялось как его синоним и даже стало названием выбора из слов Иоанна Зла-

тоуста – книги из числа книг Нового закона (от Апостольский заповедей) (Sreznevsky 1893–1912: 112).

В состав русского библейского выражения тем не менее оно так и не вошло, ибо уже с XI в. в древнерусском оно закрепилось лишь с компонентом бисер (Mokienko, Nikitina, Nikolaeva 2010: 53).

Иные наименования жемчуга не вошли в состав библейского оборота и во многие другие языки, несмотря на древнюю фиксацию а активную варьруемость. Так, слово *biser* осталось «монополистом» в хорватском языке, где *bacati/baciti biser pred svinje (pred krmke)* хорошо описан лингвистами и зарегистрирован большинством словарей (Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2010: 121).

Таким образом, история библейского выражения о жемчуге и свиньях не столь семантически проста, как может показаться теологам, культурологам и когнитивистам. Инерция амбивалентного восприятия заложена в нём этимологически: уже древнеиндийское обозначение жемчуга было синкретичным, именуя это драгоценное перламутровое вещество, сокрытая в раковинах. метафорически – как ‘бутон’ или ‘почка’. Метафорический синкретизм, перенесённый через восточные языки в греческий и латынь, обеспечил двойное семантическое истолкование фрагмента библейского текста. Отсюда и его разное восприятие читателями и слушателями разных переводов Библии. И хотя противопоставление жемчуга пищевым отбросам тематически неоднородно, оно закрепилось в большинстве европейских языков. Питер Брейгель же, вдохновлённый не только голландским переводом «Вульгаты», но и собственным чутьём художника, избрал для своей картины «Нидерландские пословицы» более древний и точный образ. Ведь библейские свиньи, попирающие ногами нежные розовые лепестки, столь же мало понимают в этих цветах, как и пресловутая современная русская свинья в ... апельсинах.

Разная ориентация древнейших переводов библейских текстов на разные языки и неодинаковое воплощение общих семантических потенциалов в развитии библеизмов создают дифференциацию крылатых слов и выражений, имеющих общий источник. Вместе с тем общеевропейское языковое пространство и общность христианской культуры становятся и основой стирания этой дифференциации. Количество библеизмов и их вариантов в русском языке возрастает не только благодаря повышению интереса к православной книжности, но и благодаря постоянному приобщению к европейской литературе и искусству. Многие из русских библеизмов являются кальками из немецкого, французского и других европейских языков, которыми свободно владела наша аристократия с петровских времен. Запас русских библеизмов пополняется и в наши дни. Так, из американского политического дискурса в современный русский язык пришло слово Армагеддон, синонимичное традиционному у нас библеизму Апокалипсис. Его публицистические контексты, зафиксированные в современном русском языке, показывают динамичность и таких библейских «неологизмов», свидетельствуя об их жизненности и популярности.

Лексикографическая интерпретация символики Библии, отраженной в современных литературных языках, – одна из актуальных научных и дидактических проблем. Опыт составления «Толкового словаря русских библейских выражений

и слов» (Lilich, Mokienko, Trofimkina 2010), «Немецко-русского словаря библеизмов» (Walter, Mokienko 2009) и «Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren» (Walter, Komorowska, Krzanowska 2010) показывает, что часть общего корпуса библеизмов в европейских языках образована не с помощью прямого воспроизводства соответствующего афоризма или фразы, а самостоятельной комбинацией слов, образов или сюжетов из Библии. В ряду таких оборотов встречаются различные структурные и семантические образования. Так, нем. выражение *langer Laban* представляет собой сложную комбинацию библейских аллюзий с переосмысленными в народно-этимологическом ключе славянскими экспрессивными лексемами (Walter, Mokienko 2009: 99–100); устойчивые сравнения типа *wie Lots Weib; arm wie Hiob* в качестве устойчивых компаративов, подобных оборотам *wie Sand am Meer; wie Spreu im Winde* в самой Библии не встречаются, а образованы позднее на основе соответствующих сюжетов; не встречаются в самой Библии и такие шуточные обороты, как *im Adamskostüm (Evaskostüm) gehen* – в костюме Адама и *jmdn. von Pontius zu Pilatus schicken* – посылать кого-л. от Понтия к Пилату. Такие афоризмы и выражения по терминологии проф. Х. Вальтера названы «косвенными библеизмами». Аргументом в пользу их включения в словарь явилась их тесная связь с библейским текстом и возможность комментирования их внутренней формы именно на этой основе. Разграничение этих двух типов фразеологических и паремиологических библеизмов (при всей его условности) позволяет достаточно определённо определить пути их адаптации в языках Европы.

В наших словарях библеизмов делается попытка не только отразить этапы такой адаптации, но и продемонстрировать межъязыковые семантические и стилистические различия, ставшие её результатом. Продемонстрирую это на двух примерах из нашего с проф. Х. Вальтером «Немецко-русского историко-этимологического словаря рировать семантические и стилистические о факультета СПбГУ в нём участвовать. фразеологизмов» (Walter, Mokienko 2011).

Первый пример относительно прост.

Land, das; -[e]s, Länder u. -e

* **das Gelobte Land; das Heilige Land** (книжн. высок. одобр.): 1. Место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть; предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т. п. 2. Место, где царит довольство, изобилие, счастье 3. (публ. ирон.) Израиль (букв.: хвалёная страна; священная страна); **земля обетованная**; Рай земной (разг.); золотые (златые) горы; молочные реки [и кисельные берега] (разг.); аркадская идиллия (книжн., часто ирон.).

< Оборот восходит к Ветхому Завету, где так именуется Ханаанская земля (область в Палестине), куда Бог хотел вывести евреев из Египта, где они томились в плену. Согласно легенде, Бог сказал Моисею, что приведёт евреев в «землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд»: „Und der Herr sprach: Ich habe gesehen das Elend meines Volkes in Dgypten und habe ihr Geschrei gehürt ьber die, so sie drdngen; ich habe ihr Leid erkannt und bin herniedergefahren, daЯ ich sie errette von der Dgypter Hand und sie ausfьhre aus diesem Lande in ein gutes und weites Land, in ein Land, darin Milch und Honig flieЯt, an den Ort der Kanaaniter, Hethiter, Amoriter, Pheresiter, Heviter

und Jebusiter“ (1. Mose 7–8) – «И сказал Господь: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд, в землю Хананеев, Хеттеев, Амореяв, Ферезеев, Евеев и Иевусеев» (Исх., 7–8; см. также 17). Это же выражение встречается и в Новом Завете, в Послании апостола Павла к Евреям: «Верую обитал он на земле обетованной, как на чужой...» (Евр. 11, 9) (Michelson 1994, 1: 728–729; BMŠ 2000: 184; Serov 2003: 260; Zykova, Mokienko 2005: 109; Kirsanova 2007: 105; BMŠ 2008, 1: 406).

Фразеологизм в русский язык вошёл из церковнославянского текста Библии, где Палестина называется «обещанной» (ст.-сл. обетованной) Богом землёй. Поэтому в русском языке оборот первоначально имел более высокую стилистику, чем в немецком. Ныне выражение *обетованная земля* обозначает ‘желанное место, где легко и радостно, куда кто-либо страстно стремится, мечтает попасть’ и вообще ‘то, что представляется счастьем, истинным раем на земле’. В разговорной речи и в публицистике фразеологизм часто употребляется шутливо-иронически как в русском, так и в немецком языках.

Выражение известно практически всем европейским языкам и некоторым восточным, напр.: бел. *зямля (краіна) абяцаная*; укр. *обітована (обітна) земля (країна)*; *обітований (обітний) край*; пол. *obiecana ziemia*; чеш. *země zaslíbená*; словац. *krajina zaslúbená (zaslúbená krajina)*; хорв. *obećana zemlja*; серб. *обећана земља*; болг. *обетована земя*; макед. *ветената земја*; лит. *pažadėtosis žemės*; латыш. *apsolīto zemi*; англ. *promised land*; ит. *la terra promessa*; исп. *la tierra prometida*; порт. *a terra prometida*; фр. *la terre promise*; иврит. *אֶרֶץ נְבוֹטָה* и др. Как видим, во всех этих языках обетованная земля, как и в старославянском, означает ‘обещанная [Богом] земля’. Немецкая же *das Gelobte Land* семантически отличается от этого фразеологического ряда. Причиной такого различия может быть как смысловой синкретизм в языке-источнике, где значения ‘обещанный’ и ‘хваленый’ обозначались одним и тем же словом, либо полисемией немецкого глагола *loben*, который в прошлом имел более широкий семантический диапазон. Ср. современное *etw. ausloben* (напр., einen Preis) – ‘объявлять, назначить приз, премию, выигрыш’, в котором актуализируется именно старое значение ‘обещать’.

Как видим, немецкое обозначение обетованной земли не столь резко отличается от иных европейских, но имеет в современном языке иную семантическую ипостась, вызванную к жизни динамикой значения глагола *loben*, его сужением.

Второй пример отражает более сложное переключение семантических регистров, поскольку его современное восприятие осложнено архаизацией лексического стержня библейского выражения.

* **aus seinem Herzen keine Mördergrube machen**: *Ничего не утаивать (не скрывать)*; *быть откровенным, не скрывать своего истинного мнения; рассказывать о себе не хуже, чем на самом деле* (букв.: не делать из своего сердца могилу убийцы); *говорить со всей откровенностью; говорить без утайки (не таясь), раскрывать всё как перед Богом; рассказывать всё как на духу; иметь душу нараспашку*.

< Выражение известно с начала XVIII в. (Kürper 1993: 342). Оно относится к многочисленным фразеологизмам со стержневым словом *Herz* – сердце как средоточие

человеческих чувств. В отличие от большинства из них, которые прозрачны по исходному образу, это выражение непонятно потому, что слово *Mördergrube* давно уже вышло из употребления и существует только в составе нашего фразеологизма. Архаичность его объясняется библейским происхождением – см., напр: „Haltet ihr denn dieses Haus, das nach meinem Namen genannt ist, für eine Mördergrube“ (Jer. 7: 11) – «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое? Вот, Я видел это, говорит Господь» (Иер. 7: 11). Это слово входит в состав известного афоризма Иисуса Христа, который говорит книжникам и фарисеям, находясь в храме: „Mein Haus soll ein Bethaus sein; ihr habt daraus eine Mördergrube gemacht“ (Matth. 21: 13). Смысл слова и всей фразы проясняется при сопоставлении немецкого текста с переводами на другие европейские языки. Русский синодальный текст во многом является воспроизведением церковнославянского: «И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? А вы сделали его вертепом разбойников» (Мф 21: 13). Слово *вертеп* в сочетании *вертеп разбойников* также является архаизмом и имеет значение ‘притон, место, дом, где собираются с преступными или другими неблаговидными целями’.

Более конкретно передано значение нем. *Mördergrube* и рус. *вертеп* в других европейских переводах Библии. Так, в английском и французском её текстах соответствующее слово передаётся обозначениями пещеры: *My house shall be called of all nations the house of prayer? But ye have made it a den of thieves*; франц.: *Ma maison sera appelée une maison de prière pour toutes les nations? Mais vous, vous en avez fait une caverne de voleurs*. Следовательно, *Mördergrube* в исходном тексте обозначает ‘пещеру, логово, где скрываются разбойники’. Тем самым раскрывается переносное значение немецкого оборота – ‘не делать из сердца логово для преступников, прячущихся от честных людей, т. е. быть абсолютно открытым и искренним’. Эквиваленты выражения в других языках имеют иную образность – ср., напр., бел.: *расказваць як на споведзі*; с./х. *otvarati svoje serdce*.

Как видим, и в русском, и в немецком языках, известное евангельское изречение «затемнено» входящими в него архаизмами *Mördergrube* и *вертеп*. Однако, если в русском языке слово вертеп является практически забытым архаизмом старославянского извода, то нем. *Mördergrube* воспринимается как вполне понятное сложное слово. Но понятное неправильно с точки зрения его исходной семантики, что делает весь немецкий оборот *aus seinem Herzen keine Mördergrube machen* своеобразную смысловую загадку.

Собственно говоря, объединяющими моментами библеизмов как весьма различных в лингвистическом отношении единиц являются два: общий источник и определённая семантическая маркированность, «навеянная» этим общим источником. Эти признаки являются общими для всех единиц, именуемых *крылатыми словами, этнонимами, интертекстемами, прецедентными текстами* (Mokienko 2003) и поэтому допускают определенную степень субъективности уже потому, что абсолютно точная идентификация библейского источника затруднена многими факторами. С одной стороны, многие из библеизмов (особенно паремии) являются универсально-типологическими и зарегистрированы в фольклоре разных

народов. С другой же – в Библию вошло много фольклорных элементов древнего происхождения и уже поэтому поиск первоисточника может вывести за ее пределы. Наконец, каждый язык по-своему адаптировал и даже «национализировал» библейские слова и выражения, что сделало их в немалой степени и собственным языковым достоянием. Демонстрируя мощный общечеловеческий и собственно национальный культурологический и языковой потенциал, жизнь библеизмов в современных языках Европы убедительно свидетельствует о нетленности духа и буквы Книги книг.

Литература

- Arthaber A. (1989), *Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica)*, Milano.
- BMŠ 2000: Berkov, Mokienko, Šulezhkova 2000: Berkov V.P., Mokienko V.V., Šulezhkova S.G. (2000), *Bolshoj slovar krylatykh slov russkogo jazyka*, Moskva.
- BMŠ 2008–2009: Berkov, Mokienko, Šulezhkova, Berkov V.P., Mokienko V.V., Šulezhkova S.G. (2008–2009), *Bolshoj slovar krylatykh slov i vyrazhenij russkogo jazyka*, Magnitogorsk–Greifswald.
- Dubrovina K.N. (2008), *Enciklopedičeskij slovar biblejskikh frazeologizmov russkogo jazyka* (rukopis, kompjuternaja versija), Moskva.
- Duden, Bd. 11: *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik* (1992), Bearbeitet von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht, Mannheim–Leipzig–Wien–Zürich.
- Fink Arsovski Ž., Kovačević B., Hrnjak A. (2010), *Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima*, Zagreb.
- Gak V.G. (1997), *Specifika biblejskoj frazeologiji v ruskom jazyke*, [v:] A.M. Lewicki, W. Chlebda (red.), *Problemy frazeologii europejskej II. Frazeologia a religia*, Warszawa, s. 95–103.
- Gak V.G. (1997a), *Osobennosti biblejskikh frazeologizmov v ruskom jazyke (v sopostavlenii s francuskimi bibkeizmami)*, „Voprosy jazykoznanija“, 5, s. 55–65.
- Jacevich K.V. (2003), *Bibleizmy v cheshskom, ruskom i nemeckom jazykakh*, Sankt-Peterburg.
- Kirsanova A. (2007), *Tolkovyj slovar krylatykh slov i vyrazhenij*, Moskva.
- Kopečný 2009: Bičan A., Havlová E. (ed.) (2009), *Dobrodružství etymologie. Články Františka Kopečného z prostějovského časopisu štafeta*, „Studia etymologica Brunensia“ 7, Praha.
- Küpper H. (1993), *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*, Stuttgart–Dresden.
- Lilich G.A., Mokienko V.M., Stepanova L.B. (1993), *Bioblezmy v ruskom, cheshskom i slovackom literaturnykh jazykakh*, „Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija, jazykoznanije, literaturovedenije“, vyo. 3, s. 51–59.
- Lilich G.A., Mokienko V.M., Trofimkina O.I. (2010), *Tolkovyj slovar biblejskikh vyrazhrij i slov: ok/ 2000 eedinic*, Moskva.
- Logachev K.I. (1991), *Russkaja Biblia vchera, segodnia, zavtra, Evangelije. Peregod s drevnigrecheskogo sviashchennika Pravoslavnoj Cerkvi o. Leonida Lutkovskogo*, Moskva.

Michelson M.I. (1902–1903), *Russkaja mysl i rech. Svojo i chuzhoje. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanij*, Sankt-Peterburg.

Michelson M.I. (1994), *Svojo i chuzhoje. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanij*, Moskva.

Mokienko V. (2003), *Intertexteme und Text in slavischen Sprachen, Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*, Hrsg. Tilman Berger, Karl Gutschmidt, München, s. 162–186.

Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. (2010), *Bolshoj slovar russkikh poslovic. Okolo 70 000 poslovic*, Moskva.

Röhrich L. (2001), *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. I–IV*, Freiburg–Basel–Wien.

Serov V. (2003), *Krylatyje slova: Enciklopedija*, Moskva.

Sreznevsky I.I. (1883–1912), *Materialy dlia slovaria drevnirusskogo jazyka po pismennym pamiatnikam. T. 1–3*, Sankt-Peterburg.

Suslova A.V., Superanskaja A.V. (1991), *O russkikh imenakh*, Leningrad.

Tolstoj N.I. (1988), *Istorija i struktura slavianskikh literaturnykh jazykov*, Moskva.

Treder J. (1989), *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównaczym)*, Wejherowo.

Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. i zespół (2010), *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*, Szczecin–Greifswald, 2010.

Walter, H., Mokienko V.M. (2009), *Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*, Greifswald.

Walter H., Mokienko V.M. (2011), *(K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie*, Greifswald.

Zykova E.I., Mokienko V.M. (2005), *Davajte govorit pravilno! Krylatyje slova v sovremennom russkom jazyke. Kratkij slovar-spravochnik*, Sankt-Peterburg.

Abstract

Russian biblical terms in the European context

This article demonstrates the influence of the Bible on the formation of the Russian literary language. This process unites the Russian language with the literary languages of many other nations that are attached to Christian culture. The author analyses biblical terms of different types that have correspondences in other European languages, including Slavonic ones. Despite the common source, bibles in languages influenced by Christian culture differ. In Russian, great differences are found both in the number and in the qualitative composition of biblical terms. The specificity of the adaptation of biblical terms in the Russian language is manifested in the combination of Old-Church and colloquial (inspired in many ways by tracing from European languages) language, which greatly enriched the stock of Russian biblical terms. The article examines examples illustrating the European background of the assimilation and activation of biblical terms in the Russian literary language.

Keywords: Bible, words associated with biblical terms, adaptation of biblical phrases, Christian culture, Old Church Slavonic, literary language, lexicographical description

Streszczenie

Rosyjskie biblizmy w europejskim kontekście

W artykule pokazany jest wpływ Biblii na kształtowanie się rosyjskiego języka literackiego. Proces ten łączy język rosyjski z językami literackimi wielu narodów pozostających pod wpływem kultury chrześcijańskiej. Omówione zostały biblizmy różnego typu, posiadające odpowiedniki w innych językach europejskich, w tym także słowiańskich. Mimo wspólności źródłowej biblizmów w językach będących pod wpływem kultury chrześcijańskiej język rosyjski wykazuje znaczne różnice w strukturze tych jednostek zarówno pod względem ilościowym, jak i jakościowym. Specyficzność adaptacji biblizmów w języku rosyjskim przejawia się w połączeniu pierwiastka książkowo-cerkiewnego i potocznego (głównie jako produktu kalk z języków europejskich), który znacznie wzbogacił zasób biblizmów rosyjskich. W artykule analizowane są przykłady ilustrujące europejskie tło przyswojenia i aktywizacji biblizmów w rosyjskim języku literackim. Ukazane są przykłady opisu leksykograficznego analizowanych jednostek.

Słowa kluczowe: Biblia, biblizmy, adaptacja biblizmów, kultura chrześcijańska, język cerkiewno-słowiański, język literacki, opis leksykograficzny